

ДМИТРИЙ БАВИЛЬСКИЙ

НЕВОЗМОЖНОСТЬ ПУТЕШЕСТВИЙ

ПИСЬМА
РУССКО
ГО ПУТЕ
ШЕСТВЕ
ННИКА

017

Новое
Литературное
Обозрение

Письма русского путешественника

Дмитрий Бавильский

Невозможность путешествий

«НЛО»

2013

Бавильский Д. В.

Невозможность путешествий / Д. В. Бавильский — «НЛО», 2013 — (Письма русского путешественника)

Книга Дмитрия Бавильского, посвященная путешествиям, составлена из очерков и повестей, написанных в XXI веке. В первый раздел сборника вошли «подорожные тексты», где на первый взгляд ничего не происходит. Но и Санкт-Петербург, и Тель-Авив, и Алма-Ата, и Бургундия оказываются рамой для проживания как самых счастливых, так и самых рядовых дней одной, отдельно взятой жизни. Второй цикл сборника посвящен поездкам в странный и одновременно обычный уральский город Чердачинск, где автор вырос и из которого когда-то уехал. В третьей части книги Д. Бавильский «вскрывает прием», описывая травелоги разных эпох и традиций (от Н. Карамзина и И.-В. Гете до Э. Гибера и А. Битова), которые большинству людей заменяют посещение экзотических стран и городов. Чтение – это ведь тоже путешествие и подчас серьезное интеллектуальное приключение.

© Бавильский Д. В., 2013

© НЛО, 2013

Содержание

Города: Благодарности	6
I. Праздные люди	9
Мученик светотени	9
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дмитрий Бавильский

Невозможность путешествий

© Бавильский Д., 2013

© Оформление. ООО «Новое литературное обозрение», 2013

* * *

Города: Благодарности

Всегда, когда приезжаешь на новое место, встречаешься с людьми, у которых останавливаешься, которые берут тебя на постой, на кошт, бескорыстно помогают, показывают, рассказывают, просто ходят с тобой по городу или просто проводят с тобой время.

Мои города – это дорогие и любимые люди, которым хочется отдать должное. Лучшего повода для этого, чем книга, выходящая в серии «Письма русского путешественника», я не вижу.

Когда-то и Москва была чужим городом, куда я приезжал погостить, а на самом деле «воздушка перехватить» (пока не появился интернет), чаще всего останавливаясь у Инны и Саши Шабуровых на Верхней Масловке или в Марьино у Игоря Сиды и Ани Бражкиной, что провели у себя дома первый мой московский квартирник, где я читал стихи и списки, чуть позже вошедшие в роман «Едоки картофеля» (одним из них я открываю второй раздел этого сборника).

Слава Курицын жил тогда на «Октябрьском поле», а Илья Алексеев, по прозвищу «Царь», – на «Пражской».

Конечные станции московского метрополитена я закреплял очередными приездами и на «Красногвардейской» у Сережи и Ларисы Шехуриных, которые как родного выхаживали меня после той травмы на «Рижской», когда я пытался спуститься по эскалатору, идущему наверх, но потерял равновесие и упал (Лариса, с меня все еще рыба в маринаде!).

В Питере я дольше всего жил в коммуналке на Рубинштейна (довлатовский дом!), ключи от комнаты в которой мне выдала Юлия Рахаева; ожидая финскую визу, жил в странной школьной гостинице на Мойке, 13 (она потом тут же исчезла). Еще пару раз – в отелях и гостиницах разной степени комфортности (об этом лучше всего прочитать в повести «Мученик светотени» из первого раздела).

В Пермь я часто попадал по наводке Марата Гельмана. И там мне всегда действительно и по-настоящему помогала Ира Гулая, Володя и Марина Абашевы. Так же как и Нина Горланова вместе со Славой Букуром, и Наташа Шолохова, у которой я ночевал в свой самый первый свой приезд (где ты теперь, Наташа, ау!), сразу же после выхода сборника «Ангина».

В Свердловске-Екатеринбурге я останавливался у странного поэта Сандры Мокши, который затем пропал без вести, Кости Богомолова и Феди Еремеева, которые живы и здоровы... За постой во время первых «Курицынских чтений» благодарю самого Славу и Вадика Месяца, так как вместе с Курицыным, Д.А. Приговым, Вероникой Хлебниковой, двумя Куликами, Олегом и Андреем, и Людой Бредихиной мы замечательно проводили время в гостинице Академии наук.

В Волгограде мне хочется вспомнить Анну Степнову.

В Алма-Ате – ныне покойную Ольгу Маркову и ныне, надеюсь, здравствующую Зацарину (про нее есть немного в повести «Невозможность путешествий»).

Во Фрунзе (ныне Бишкеке) и Кара-Балте – своего однополчанина Витю Киприянова и его родителей; в Одессе, Кишиневе и Чадыр-Лунге – своего старшину Толика Терзи и всех его многочисленных родственников, а так же неизвестного водителя последнего троллейбуса, который гнал по ночному городу так, что опаздывая на самолет, я так и не опоздал.

В Тарту мне поселиться в общежитии филфака на улице Пяльсона помогала Ыйя («цветок», если в переводе с эстонского) Рихардовна Авамери (переводится как «морская»). Возились с нами там прекрасные тартуские студентки Лена Глухова и Грета Тальвет. В Тарту нас, студентов-второкурсников, на встречу с Лотманом привезла лучшая преподавательница Челябинского государственного университета Нина Михайловна Ворошнина. (С Лотманом встретились, поговорили. Потом еще. И еще. На всю оставшуюся.)

В Эстонию мы ехали через Питер, где в квартире со странными потолками на Невском остановились у художницы Людмилы Петровны Лютиковой, Милки, как ее по сей день называет Ворошнина.

Там, на Невском, в странной квартире с непонятными потолками у меня вдруг пошла носом кровь, которую невозможно было остановить несколько часов. Никогда со мной такого не случалось. Чуть на поезд не опоздали – если описать, грустная комедия выйдет.

И про Тарту в стиле фильма «Прогулка» напишу, и про отцепленный вагон, в который мы ломались с перрона, чтобы успеть. А у Нины Михайловны еще и картины в руках, она же всегда с любимыми холстами путешествует, как некоторые иностранки с собаками или с любимыми подушками. А еще она тогда Лотману статуэтку Дон Кихота везла. Из каслинского литья. И такое ощущение, что не одну. А у меня кровь во всю из носа хлещет. Байронически так...

В Париже мне всегда больше всего помогал мой дорогой друг Андрюша Лебедев: оставлял ключи от своей квартиры на улице Брюн, гостеприимно встречал в Бургундии или приглашал к себе в Клиши, где еще до недавнего времени они жили вместе с Ваниной Жильбертовной, пока не переехали, нарожав детей, за город. Теперь у них есть свой дом.

Иногда он сдавал меня на хранение великому фотографу Володе Сычеву, и поныне живущему, если я ничего не перепутал, на улице Черных монахов.

Больше всего, надо сказать, мне везло с помощниками (переводчиками, «хозяевами» и просто хорошими людьми) именно во Франции, куда хотелось (из-за этого?) возвращаться вновь и вновь.

Говоря о Бордо, вспоминаю писательницу Элю Войцеховскую и профессора математики местного университета Юру Билу, очень много сделавших для того, чтобы я полюбил Аквитанию как родную. Именно им мир обязан романом Андрея Тургенева «Месяц Аркашон», а я, помимо всего иного, сентиментальными поездками в Аркашон и к Монтеню.

Я скучаю по Бриджит Брюнет и ее мужу Бернару, подаривших мне окрестности и красоту Ди, стоящем на реке Дром; по Даниэль Дюррель, поддерживавшую меня в Ди и в Гренобле, и Мишель в Валенсе, по Флоранс Делапорт и Франсуазе из Лиона и Сент-Этьена.

В Живерни, в сад Моне и к его последнему приюту, и в Овер-сюр-Уаз, в последний приют Тео и Ван Гогов, в Райомо к Ларошфуко меня возила Вероника Пат (за рулем был ее муж Ив). Вероника идеально перевела для издания в «Галлимаре» мою книгу «Едоки картофеля». Мы долго ворожили над тем, как более аутентично передать смысл топонима «Чердачинск» и мне нравится вариант, который она предложила и который в обратном переводе звучит как «Брик-о-брачинск» (смыслы этого названия, надеюсь, раскрываются во втором разделе этого сборника).

Я благодарен Марине из Амстердама за ночь в Хельсинки.

За Кельн благодарю Лешу Парщикова, за Франкфурт – Семена Мирского и Галю Дурстхофф, за Берлин – Китупа.

За Вену – Сашу Шаталова и коллекционера Броше.

За Барселону – Машу Оганесян, ее подругу Олю, ее студента Жоана и ее великую маму, грандиозную Веру Михайловну. Галеристку Лену и литературного агента Юлю, профессора русской литературы Рикардо, а также ныне покойного Николоса.

За Копенгаген и Данию – Таню Дербеневу из «Русского центра» и Дину Яфасову, Дининого папу Шамяля и ее мужа Карима, с которым мы ездили к Ларисе Солодченко в Эльсинор. Медсестру Лизу и радиожурналиста Йона, взявших меня на постой в дом у каналов, Машу Ньютофт, которая провела меня по тайным тропам Христиании.

И, конечно, Андрея Назарова с его литературным семинаром.

За Израиль – Тиграна и Лену Ханбегиан и их деток, Полиночку и Данельку, Иру Врубель и Мишу Гробмана, Виктора Давидовича Новичкова, Владимира Романовича Перштейна,

моего дорогого и первого экскурсовода по Иерусалиму Гену Франковича и второго экскурсовода по святым местам – Ольгу Новичкову. И дорогого друга Даню Баранова.

За Украину – Юру Безбородова, с которым у меня теперь ассоциируется Киев, своего однополчанина Антона Кафтanova и его жену Юлю, олицетворяющих для меня Харьков; Борю Бергера и его друга, фотографа Илью, показавших мне Львов таким, как бы сам я его никогда не увидел. Александра Погорельского и Колю Спайдера – за Шаргород, тульчинского краеведа Славу с непроизносимой староцерковной фамилией за то, что приютил и помог отыскать могилы бабушек.

Хочу также, пользуясь случаем, передать приветы моим попутчикам в разные стороны и страны – Макаровой, Надежде Петровне, Айвару, Мухе, Тане, Женьке, Марине, Вадимусу, Славке, Глебушке, Зое, Сергею Павловичу, Владимиру Георгиевичу, Сергею и Оле, тогда его жене; Лене, Полине, Ильдару Фаридовичу, Могутову, Ольге, сестре Ленке.

I. Праздные люди

*Надобно признаться, для праздного человека нет лучшей жизни,
как жизнь туриста: занятий тьма, все надобно видеть, всюду успеть
– подумаешь, что дело делаешь: бездна забот, бездна хлопот...*

А. Герцен. Из «Писем из Франции и Италии»

Мученик светотени

Л. У.

*Как светотени мученик Рембрандт,
Я глубоко ушел в немеющее время...*

Осип Мандельштам. 1937

Из Московского вокзала, почти ничем не отличимого от Ленинградского, сразу же ныряю в метро (а вот подземка отличается, причем сильно). Никаких тебе классических красот северной столицы, следующая остановка – «Парк победы», там мне и обитать сегодня-завтра.

Миф о замкнутости питерцев – только миф. Дело не в железных дверях на станциях подземки, через которые люди входят-выходят из поезда, дело в скоростях провинциального города, особым ритмом, мелом расчерченном. Ну да, классицизм, складчатость, половинчатость. Спускаясь по эскалатору «Маяковской», чуть позже поднимаясь возле Национальной библиотеки, не увидел ни одного спешащего слева. Знак висит: не бегите, мол, по эскалатору. Никто и не бежит, все чинно едут с заданной скоростью, никого не обгоняя. В Москве такое невозможно.

Вышел на «Парке победы», попал в пекло, словно вернулся в южный город, не хватает только пирамидальных тополей. Выезжал из столицы под осенний дождик, а здесь райское наслаждение и даже еще чуть-чуть. Кладут брусчатку. Воздух струится непрозрачный, выдувая внутри себя стеклянные фигуры.

Когда первый раз попал в Питер (тогда Ленинград), тоже было очень жарко. Небывалый для августа жар. Только камни не лопались. А люди не выдерживали, падали. Сам видел. Отец привез меня сюда после того, как я окончил второй класс на отлично. Пообещал – и слово сдержал. Добирались двое суток скорым поездом. У Московского вокзала папа (стройный, строгий, белые парусиновые брюки) поймал такси и велел везти на Дворцовую – в самое сердце.

Старые города связаны у нас в памяти с историческими центрами. Вспоминая, мы выкликаем образы центральных улиц и проспектов, не думая о том, что большая часть горожан живет в районах типовой застройки. А они даже в Питере ужасны...

Помню, такси утомительно долго петляло по узким улочкам, выказывая красоты северной столицы, а потом неожиданно вынырнуло на широкий блин придворцового простора. Папа задохнулся от восторга.

– Понимаешь, – сказал он мне, – таксист просто профи, подошел с душой... постепенно подготавливал нас, сработал на контрасте... Молодец мужик! Как тебе? Роскошная площадь, а?

На счетчик он даже не посмотрел.

Перед самым отъездом отец выдал мне тетрадку. Написал на обложке «Дневник путешествий», именно так, во множественном числе. Точно предчувствуя, что мне придется много мотаться. Сказал, что я должен записывать все, что вижу, и все, что со мной происходит. Вот я и записываю.

Отец очень хотел, чтобы я полюбил искусство, возился со мной, показывал репродукции, специально потратил отпуск для моего приобщения к первоисточникам.

Понятно, почему он повез меня именно в Питер, а не в Москву: в столице аутентичного искусства меньше. Хотя тогда отец любил передвижников и мог бы показать мне сокровища Третьяковки. Но в Питере был Эрмитаж, а в нем – много Рембрандта. Отцу хотелось показать мне «Даная» и «Возвращение блудного сына».

Незадолго до отъезда мы всей семьей пошли на «Калину красную». Перед фильмом показывали документальный фильм, посвященный Рембрандту. В память врезалась пятка блудного сына, крупно показанная во весь экран. Я уже не смеялся подобным несообразностям, потому что знал – это искусство.

Который раз бываю в Питере (теперь, когда переехал в Москву, возможности появляются часто), но каждый раз обстоятельства складываются так, что проходишь мимо Эрмитажа. Дела, знакомые какие-то, вот ты и проходишь мимо. Мимо. Некогда ты специально ехал за тридевять земель посмотреть на чумазую пятку блудного отрока, одетого в рубище, а теперь зайти недосуг.

Нужно ли говорить, что «великий мученик светотени, мастер передачи полутонов» и света, сочащегося непонятно откуда, темнеет с каждым годом? Нужно, чтобы как можно больше людей успели увидеть эрмитажного Рембрандта. Точнее, так: картины его темнеют, становятся глуше и глуше. Что-то, видимо, с ними происходит, источники света пересыхают, что ли. Как родники в горячей пустыне.

Иногда события закольцовываются. Отец повез меня в Ленинград ровно тридцать лет назад. Завтра, волею случая, он приезжает на Ладожский вокзал, и нужно помочь ему разгрузить экземпляры докторской. Плюс сегодня у моего однополчанина Гурова свадьба.

Собственно, поэтому я тут.

Когда-то вместе с Ильей Гуровым, студентом философского факультета из Киева, мы служили вместе в войсках гражданской обороны, потом он перебрался в Лондон. Пару лет назад, когда я только начал жить в Москве, он нашел меня через интернет, встретились и снова заружили. Гуров теперь лондонец, а его невеста, Наташа, которую он ласково зовет Боярыня, из Питера.

Разместился я в гостинице «Россия» (которую в Питере и не собираются сносить) – девятый этаж, вид на закипающий щавелевый суп, прокисший от долгого стояния в холодильнике... Принял душ (лучше бы я этого не делал, так как заболел потом) и сел в белый автобус «мерседес» вместе с другими гостями. Свадебный кортеж сопровождала машина с тонированными стеклами, мигалку она включила только один раз, когда мы застряли в пробке на выезде из города.

Половина гостей – ленинградские друзья и подруги Боярыни, красивые, ладные девицы, и родственники Ильи, другая половина – коллеги его по Лондону, иностранцы, большая часть их живет в гостинице при Екатерининском дворце, мы потом за ними заехали.

Не все они, слава богу, оказались во фраках, хотя Илья заранее пугал меня дресс-кодом. Я говорю, мол, пиджак лет пять не надевал, буду в джинсах. Гуров начал тактично протестовать, пришлось надеть пиджак. Могу сказать, что чувак в джинсах там был, и ничего. Илья мне объяснил, что этот парень торгует яхтами в Жуковке и дресс-код ему по барабану.

Другой гость, одетый не по форме (джинсы и полосатый свитер) неделю назад потерял в Кембридже отца, и Гуров вошел в положение: ему не до условностей.

Венчались раб божий Илья и раба божья Наталья в Софийском соборе, построенном архитектором Камероном на окраине Царского Села.

При нашем приближении поплыли колокольные звоны. Народ разбился на кучки. Гостей пыталась сплотить активная тетка-организатор, на всех стадиях церемонии проявляя себя как пламенный мотор. Ее было много. Она носилась с озабоченным видом и постоянно кричала невидимому собеседнику в микрофон: «А невеста свой букет забыла...», «А что вы скажете шоферам? Нет, с вашим начальством я не так договаривалась...»

Всюду на нее натыкался. На нее, на флористов, на людей, таскавших мешки с костюмами. Чистый хай-тек со швами наружу: услуга даже на чужом пиру пытается быть самой главной.

Возле собора нас развели направо-налево от входа по типу игры «а мы просо сеяли...», вручили белую ленту для организации коридора и брошюрки с цитатами из Нового Завета.

Потом из какой-то навороченной машины у ворот (метров двести до собора) вышел Гуров и два его свидетеля – грек Георгий, что держал потом над Гуровым золотую корону и Макс, который будет свидетелем на светской регистрации брака. Были они все во фраках и темных очках, из-за чего напоминали оперных негодяев из «Крестного отца».

Все стали активно радоваться и общаться сразу на нескольких языках. Гуров, вставший в пределе храма под аркой из цветов, получал инструкции от священника. Очки он уже снял, превратившись в привычного Илью. Гурыч вел себя по-светски, блаженно улыбался, щурил на солнце хитрые глаза, подмигивая знакомым.

А потом на дороге появилась карета в стиле петровских времен, пышная, скрипучая, запряженная белыми красавцами и пьяным кучером.

Карета медленно въехала в ворота, проплыла по дороге и развернулась возле живого коридора. К двери подошел отец невесты, обаятельный тучный дядечка, и помог выйти на белый свет Наталье и ее свидетельницам.

Солнце жарило как бандитский оркестрик, на небе ни облачка (я даже успел загореть немного), но меня бросало то в жар, то в холод... Я начинал болеть...

Наталья была прекрасной в белом пышном платье с длинным шлейфом (его поддерживала высокая, длинноногая блондинка в красном платье; вечером она нажрется едва ли не больше всех), расшитом такими же белыми кружевами, в голову ей вплели живые цветы. Почти Офелия. Помня о предыдущих церемониях, на которых мне приходилось бывать, я боялся, что Боярыню наштукатурят как египетскую мумию, а нет, невесту украсили в меру. Живое, красивое лицо – и свежесть, которую Наташка умудрилась не растерять до самого конца дня.

На входе жених и невеста соединились и пошли в храм, мы потянулись следом. Плюс, конечно, юркие бабушки, которые требовали, чтобы гости расступились, так как им ничего не видно. Кто-то из гостей спросил одну особенно активную старушку: звана ли она на свадебную церемонию? Та обиделась и гордо что-то ответила про божий храм. Что точно ответила – я не запомнил, но стало очевидно: халявщица.

Перед входом я озабочился букетом, который дежурная флористка выдавала по предварительной записи. Мне досталось что-то невообразимо длинное и бело-зеленое с мохнато-кучерявой травой – с чем я и промаялся всю церемонию, вспоминая киромуратовские «Чеховские мотивы», раз и навсегда закрывшие тему венчания.

Особенно колоритным мне показался помощник священника – пропитое лицо (фингал под глазом) резко контрастировало с праздничностью наряда и всеобщей благодетельностью. Второй помощник, толстячок, заинтересованно разглядывал гостей. Посмотреть действительно было на кого.

Среди гостей выделялась красивая английская пара с девочкой двух-трех лет. Пока родители занимались непонятными делами, дитя уселось на венчальный ковер посреди

храма читать книжку с картинками. Позже, пока взрослые дарили подарки и отпускали голубей, девочка, воплощенная непосредственность, сосредоточенно разбиралась с лепестками роз. К ней постоянно обращались прихожане, тамада и приглашенный Эдуард Хиль. Но девочка не понимала, что от нее требуют эти странные русские, пугалась. И тогда все наперебой обращались к ней по-английски, мол, как тебя зовут и все такое.

Собор пропитался миром, ладаном и свечами. Великолепный хор и процедуры обряда (расшитые золотом хламиды, ненатуральные голоса, молоденькие березки около алтаря) обычно производят впечатление на жадного до экзотики человека. Жаль, что на месте, где произрастают верования, у меня дырка. Я стоял, фотографировал молодых и наблюдал за гостями. Кто-то истово крестился, кто-то так же истово сохранял независимый вид.

Долго ли, коротко, но все устали, особенно свидетели, синхронно менявшие быстро затекающие руки: венец оказался массивным.

– Держите венец за ушки, за ушки, – несколько раз повторил молодой священник, похожий на Бердяева: с аккуратно подстриженной бородкой и глазами усталого спаниеля. Ему очень хотелось, чтобы церемония прошла без накладок.

Наташу и Илью поводили по кругу, дали выпить вина. Потом выдали казенные кольца.

– Не бойтесь, – сказал священник, – потом мы дадим вам другие...

Гуров изо всех сил пытался соответствовать моменту и следовать рекомендациям попа.

– Креститесь, креститесь, – вкрадчиво инструктировал тот молодых и Илью, на котором фрак сидел как на корове седло (Илье больше подходит стиль «кэмел»), крестился неопытно и робко.

Зато Наталья чувствовала себя в своей стихии – о такой свадьбе девочки мечтают в раннем детстве, когда изображают невест в виде принцесс. Что ж, девичью мечту она осуществила. Имеет право.

Хотя бы и после шести лет жизни с Гуровым.

Когда таинство закончилось, гостей выгнали на пекло, так как первыми молодых должны поздравлять родители.

Все вышли, набрав в руки розовых лепестков. Когда Илья и Наташа появились на входе, все стали ликовать и кидать лепестками в молодых, выстроились в очередь, чтобы подарить цветы. Образовалась веселая, гомонящая куча-мала.

Я поздравил молодых едва ли не самым последним. Не знал, что сказать, да и понимал, что им сейчас не до слов – дотянуть бы до финала, но ребята держались мужественно, органично, всех одаривали улыбками и уместными репликами. Я подошел и сказал, что рад их поддержать, что после такой вампуки все у них должно сложиться очень серьезно, *как у взрослых*.

Тут подскочила суетливая распорядительница с ворохом белых коробок, из которых извлекли голубей. Родители взяли по птице, затем своих птиц взяли Наталья с Ильей. Птички взлетели; распорядительница начала пинать валявшиеся возле дверей кареты коробки, стараясь отбросить их как можно дальше в сторону.

Под приветственные крики повенчанные сели в карету и отчалили в сторону Екатерининского дворца.

Вечером, уже в неофициальной обстановке, новоиспеченный муж Илья Евгеньевич Гуров поведал мне, что путешествие в карете оказалось для него самым трудным испытанием свадебного марафона.

Изящная и изысканно оформленная карета внутри совершенно не оборудована. Заказывали по интернету и не смогли заглянуть в недра... Поэтому, несмотря на первоначальный план организаторов (Гуровы едут в карете до самой Камероновой галереи) молодожены вылезли из возка за ближайшим поворотом и пересели в иномарку. Думаю, на бронированный джип.

А мы сели в свой «мерседес», за которым потянулась кавалькада черных авто с тонированными окнами.

Когда отец первый раз привез меня в Питер, мы, разумеется, объехали с ним и пригороды тоже. Больше всех (таинственностью и замком, построенным из прессованной земли) меня волновала Гатчина. Как-то так получилось, что про нее, в отличие от Петергофа и даже Ломоносова, в Советском Союзе совершенно не было никакой информации. Ни одной книги или даже статьи: социализм медленно заболачивался, и отдельные застойные явления проникли в искусствоведение.

Я даже пытался взять своих родителей на слабо, мол, не найти вам ни одного путеводителя (город же вне туристического охвата), не зная, что на день рождения меня уже ждет книжка с историей Гатчины. Родители вмастили мне с ней как никогда.

Кроме того, в Гатчине у нас нашлись дальние родственники со стороны мамы. У них мы с отцом и остановились. Старая семейная пара да их глухонемой сын, мгновенно завоевавший мое сердце пластинкой жевательной резинки «Пеперминт». С этим парнем (как же его звали? Эдик? Павлик? Взрослый, одинокий дядька, худой, даже слегка изможденный) мы обошли всю Гатчину (в Большом дворце тогда еще стояли токарные станки, мы видели их в окна первого этажа), а затем поехали в Петродворец. Долго ходили по парку и павильонам, потом зашли в ресторан, где папа решил притвориться глухонемым.

Папа почти мгновенно освоил азбуку глухонемых, вдвоем с Эдиком-Павликом они активно махали руками, а я, понимая, что «укорот» мне не грозит, пользовался моментом.

– Папа, хочу мороженого! – кричал я.

И мороженое приносили.

Потом, подмигивая и смеясь, отец пересказывал маме, что люди вокруг очень сочувствовали маленькому мальчику со звонким голоском, у которого (вот несчастье!) глухонемые родственники. Сам я этого не помню, знаю только по папиным рассказам. Как мама тогда смеялась! (Она не поехала с нами – моей младшей сестренке Лене было тогда всего полгода.)

Папа и Эдик-Павлик хорошо взяли на грудь, и тогда отец жестом попросил счет, а расплачиваясь, сдержанно и грустно сказал официанту «спасибо». Все делалось, конечно, именно ради этого судьбоносного момента. Официант вытирает глаза...

Я этого совсем не помню.

Зато помню другое: как быстро наступил вечер, накрапывал мелкий дождик... Многочисленные туристы рассосались, и мы гуляли по парку перед самым его закрытием в полном одиночестве. Папа очень любит музыку из «Шербурских зонтиков», он пытается передать Эдику-Павлику красоту этой мелодии, начинает ее напевать. Мы спускаемся по лестнице главного каскада вниз.

Эдик-Павлик, разумеется, папу не слышит, но его душа, после опорожненного в ресторане графинчика, тоже поет, так же открыта и крылата, как эта просторная и великая архитектура. Он тоже начинает напевать что-то свое. Точнее, мычать. Тогда папа начинает петь еще громче, чтобы перекричать Эдика-Павлика. Пустой парк. Опресненное небо. Сюрреальная картина!

А на следующий день уже одни мы приезжаем с отцом в Царское Село, где Пушкин и пиришествие барокко! И снова – парк, павильоны...

Мне особенно нравится классицистическая Камеронова галерея и висячий сад, через который она примыкает к дворцу. Слова «висячий сад» завораживают – и то, что «висячий» (на втором этаже) и то, что «сад» (райский уголок).

Я обожаю пространства «по краям», и на картинах художников Возрождения смотрю не сюжет, а пейзаж на втором плане (тогда в них знали толк). Изучая планы питерских пригородов, пропускаю основные дворцы, мне больше нравятся заброшенные

павильоны (особенно славен ими чахоточный, сырой Павловск), конюшни и служебные постройки.

Поэтому Камеронова галерея изначально мой фаворит. Расстраиваюсь, что она закрыта, в нее не попасть. На странное это пространство можно смотреть только снизу и вместе со всеми.

Папа утешает тем, что завтра мы обязательно пойдем в Эрмитаж, где много странных, промежуточных пространств, переходов между отдельными зданиями, коридоров и тупиков.

Он не знает, что основательно проштудировав бедкер, я заранее полюбил «Галерею древней живописи», чахлый висячий сад (я разочарован) и лоджии Рафаэля, копирующие (больше всего увлекает борхесианский факт вторичности) помещения в Ватикане. И я соглашаюсь, забывая про неудачу с Камероновой галереей.

Свадебное пекло усиливается. Мужчины мучаются в пиджаках. Мы ждем карету с повенчанными, дефилируя по пятаку висячего сада. Справа – пустые коридоры Камероновой галереи, слева – фасад главного дворца. Камерный оркестр, сидящий в гроте, играет Вивальди и Моцарта. Разглядываю лица музыкантов; им тоже интересно поглазеть на великосветскую публику.

Подают шампанское и воду. На столах стоят блюда с клубникой. Утомленная публика прогуливается по кругу.

К висячим садам ведет долгий пандус, нам говорят, что именно по нему (а не по парадной лестнице со стороны сада) любила прогуливаться императрица. Сегодня каждый гость может почувствовать себя на ее месте. Тем более что пандус огорожен, возле входа на него с нижней стороны стоят матерые охранники.

С каждой минутой их становится все больше и больше, так как гости продолжают прибывать. У телохранителей черные костюмы и прозрачные лески раций возле ушей, похожие на трубочки капельниц, как будто охранников искусственно вскармливают...

Возле входа разминается с десятков ангелочков – маленьких детей, одетых в белые хитоны с крыльями за спиной. В белых кудрявых париках.

Ансамбль ангелов призван для пущей умильности. Цербером при них тетка с большим носом и пухлыми губами. В ярко-синем платье и носатых туфлях, она отличается от всех. Тетка, похожая на Карабаса-Барабаса, дает ангелочкам последние указания, учит растягивать игрушечные луки, прикладывать к ним искусственные стрелы. Учит вызывать умиление. Гостей она не стесняется. Детям нравится рисоваться. В отличие от английской девочки, их естественность натужна.

Мы продолжаем загорать наверху, по возможности прячась в тень – между бюстами Камероновой галереи или возле грота с оркестром, где на самом солнцепеке стоят три ряда синих стульев. Именно там и будет происходить светская церемония.

Вблизи Екатерининский дворец разочаровывает: барочное безе оказывается сильно заветренным, несвежим. Не знаю, как он выглядел до Великой Отечественной, пока его не разрушили фашисты, пока он был натуральным. Но вблизи все гипсовые рюши смотрятся странно дешевыми. Даже украшения станций метро (мрамор и мозаики) выглядят богаче, органичнее.

Обратил внимание на эту потемкинскую честность, на то, что от туристических красот дворца остается ощущение наскоро сработанного ремонта (как если бы хрущобе приделали детали сталинского ампира), когда попал в Царское Село во второй раз. Вместе с Таней и Айваром мы приехали на двухсотлетие Пушкина. Корреспондентами. Таня никогда не видела питерских пригородов, и мы обязаны были показать ей царские резиденции, ставшие местами общего употребления.

Мы были тогда в самом начале наших сложных отношений, но всячески хорохорились и делали вид, что не происходит ничего особенного. Гуляя по парку, нащелкали целый каскад странно ярких, сочных фотографий, которые до сих пор не тускнеют в альбоме...

А вот и карета, из которой выходят Илья и Наталья. Все устремляются к пандусу, по которому поднимаются жених и невеста, окруженные ангелочками, некоторые из них целятся в молодых, другие помогают невесте не запутаться в шлейфе. Ангелы сосредоточены и деловиты.

Зато гости кричат и радуются как дети. У Гуровых, надо сказать, удивительно жизнелюбивый круг друзей. В Москве не странно быть странным и жить наособицу, а в Питере, видимо, странно, если ты не умеешь веселиться как ужаленный, пить без конца и уходить в запой, теряя контроль над временем и пространством. Видимо, все эти истории про разведенные мосты и алкогольные авантюры – прямо в точку. Вот все и радуются искренне и непосредственно... Блики фотоаппаратов, аплодисменты, марш Мендельсона, внезапный как майская гроза...

Люди, гуляющие внизу («обычные» туристы) замирают, словно увидели праздничный салют.

Поднявшись, Наташка попадает в окружение подруг, знакомится с самым активным и деловым ангелочком, Илья переговаривается с теткой из загса, которая, чинно рассадив сиятельную публику, начинает церемонию.

Она пафосно изрекает слова обязательной программы «властью, данной мне...» и про ячейку общества. Илья и Наташа стоят под цветочной аркой, им труднее всего – в отличие от гостей, им точно не уклониться ни от формальностей, ни от жалящего жара солнца.

Кириллова громко говорит «Да» и окончательно становится Гуровой. Снова выстраивается паровозик из поздравляющих, все торопятся поздравить молодых (посмотрите, как на солнце сияют их новые обручальные кольца!) и отойти в тень.

Наталья и Илья мужественно принимают цветы, подарки и поцелуи на самой что ни на есть солнечной стороне.

Возникает суэта, появляется распорядительница с призывом:

– Начать фотосессию!

Ей только мегафона не хватает.

Действительно, грех не запечатлеться в исторических декорациях. Когда еще выпадет такая возможность – оказаться не вовне, но внутри. Чем все время от времени и занимаются, кучкуясь и принимая «изысканные и непосредственные» позы.

Но есть еще и официальная фотохроника – у молодоженов свой фотограф, у гостей – свой. Плюс две камеры, постоянно снующие между. У меня было желание запечатлеться рядом с бюстом Овидия, но от жары мне стало уже совсем нехорошо.

Лучше всех себя чувствовали ангелочки. Пока шла церемония, и все смотрели на молодых, тетка в синем платье набрала полные руки клубники и незаметно распределила между детьми. Не такая уж она, оказывается, и Карабасиха...

Позже, когда свидетельство о браке отдали мужу и гости растеклись по аллеям, дети уже не стеснялись брать ягоды, они строили уморительные физиономии, кидались фантиками и с удовольствием кривлялись, фотографируясь.

Позируя, Гуровы вместе со свидетелями и родителями уходят вглубь галереи, а я сбегаю по пандусу в парк, у меня здесь «есть одно дело»...

Мы были здесь с Таней и Айваром в конце мая, застав первый по-настоящему теплый день, поэтому на наших снимках все одеты достаточно тепло. По дороге мы купили в книжном «Голубое сало», только-только появившееся в продаже. В электричке читали вслух наиболее смешные места, пародирующие историю взаимоотношений Ахматовой и

Мандельштама, Ахмадулиной и Бродского, смеялись. Помню, на соседней скамье сидела мама с дочкой, которой делалось внушение.

– Твоя главная задача – вести себя хорошо, – говорила она.

Отличный лозунг, мы потом долго им пользовались.

Малоэтажный Пушкин казался спокойным, пустым и тихим. Айвар любовался полуразрушенными, заброшенными особняками и мечтал здесь поселиться. Мы долго гуляли по парку, пока не уселись на лавочку возле пруда, напротив пустого постамента. Таня немедленно потребовала поставить ее на постамент, что мы и сделали.

В моих воспоминаниях это был укромный уголок. Теперь, когда я пошел искать «нашу лавочку» и постамент, оказалось, что они у всех на виду. И вообще парк стал маленьким, со всех сторон окруженным проезжими дорогами, по ним все время сновали уродливые автобусы и грузовики.

В готическом павильоне адмиралтейства на другом берегу громко работал ресторан. Сразу за адмиралтейством торчала дура-труба, нарушая исторический рисунок местности. Я ничего этого «постороннего» не помнил.

*Поедем в Царское Село!
Свободны, ветрены и пьяны,
Там улыбаются уланы,
Вскочив на крепкое седло...
Поедем в Царское Село!*

*.....
Свист паровоза... Едет князь,
В стеклянном павильоне свита!..
И, саблю волоча сердито,
Выходит офицер, кичась, –
Не сомневаюсь – это князь...*

Мы очень любили читать книги вслух. Не только стихи, но и прозу. Иногда даже «по ролям». Пруста на пляже. «Человека без свойств» в поезде... Негромко, вполголоса. Для внутреннего употребления. Мы сидели и читали вслух Сорокина, пока не захотели есть. Пока не стало заходить солнце. А ведь нужно было съездить еще и в Павловск!

Пока мы ели и добирались до вокзала, начало темнеть, и в Павловске мы оказались уже вечером, долго блуждали в поисках Большого дворца, обошли его кругом и усталые, но довольные, вернулись в Питер...

Я сфотографировал пустой постамент и лавочку, на которой никто не сидел, вернулся к Камероновой галерее: больше на берегу мне делать было нечего.

Наверху продолжалась свадебная фотосессия – куча веселящихся гостей (среди них Наташа в белом платье и Илья в черном фраке) с криками и смехом перемещались от бюста к бюсту.

Подниматься я не стал, так как общаться было не с кем, пошел к автобусу. Он стоял на пустыре перед дворцом, возле служебных павильонов. Навстречу мне попала уставшая распорядительница с красивым белым букетом.

– Ты представляешь, невеста забыла свой букет, поэтому мы задерживаемся... – кричала она кому-то в невидимый динамик.

В пивной кафешке на выходе из парка сидели родственники невесты. Они пили пиво и закусывали, имея полное право на отдых, так как устали и проголодались. Тем более что банкет откладывался.

Фотографирование закончилось, гости потянулись к машинам и автобусам, Гуровы снова сели в карету.

И тут пустырь перед воротами парка неожиданно стал заполняться черными «волгами». Десятки черных машин с одинаковыми российскими флагами выстраивались в колонны по восемь штук. Автобус не мог проехать, так как дорога из дворца одна и по ней постоянно въезжали «волги». Гости заволновались, всем уже виделся беспримерный свадебный кортеж...

Однако волжские автолюбители здесь оказались по каким-то иным делам и на своей собственной тусовке – в Питере проходил международный экономический форум, заключались соглашения по строительству новых международных автозаводов. (Губернатор Матвиенко в СМИ даже говорила о «Детройте на Неве».)

Возможно, автолюбители таким образом привлекали внимание к нуждам отечественного автопрома, но получилось – словно для нас представление устраивали.

Что ж, очень даже в кассу.

В Павловск свадьба приехала в начале четвертого. Розовый павильон, затерявшийся в огромном парке. Деревянный, покрытый сверху рисунками под мрамор. Явный новодел, хотя роспись потолка внутри ампирная, в лучших традициях (чем хуже, тем лучше).

Рядом река и лодки с лодочниками, мост, жара начинала спадать. Здесь свежо, и воздух жирный, наваристый. Розовый павильон огорожен, стоят касса (50 руб. билет) и туалет, один и тот же на женщин и мужчин.

В небольшом дворике – столы с шампанским, играет джаз-банд. Немного в стороне сидит художник в романтическом берете. Весь вечер он, по желанию гостей, будет рисовать портреты.

Внутрь не пускают, ждем карету. У входа ставят огромные ворота из цветов, лилий и выюнов, по обе стороны от них – вазы с цветочными композициями в человеческий рост. Джаз играет невероятно громко, все потягивают «Вдову Клико» и рассасываются вокруг павильона в поисках тени. Я захожу с тыла, где флористки перебирают букеты, разминаются балерины (точно это мгновенно повзрослевшие ангелы из Пушкина, переодетые в пачки), а костюмеры разбирают завалы, блистающие мишурой.

Снует бойкая распорядительница, такое ощущение, что забот у нее все прибывает и прибывает. Никого не видит, все время говорит в динамик, хотя нет, успевает отметить, что продукты нужно носить через задние ворота («Чтобы я больше вас тут не видела!») и что огромную сцепку из белых воздушных шариков, наполненных гелием и скрепленных в виде стилизованного сердца, нужно переместить поближе к воротам.

У ворот скапливаются новые машины, гостей становится все больше. Распорядительница терпеливо объясняет всем (лицо ее при этом неподвижно), что мы должны организовать живой коридор от ворот до дверей павильона (кто-то снова приносит коробки с лепестками роз). Все устали и хотят есть.

И тут появляется тамада – смуглый кучерявый выюн явно не первой молодости и свежести, похожий на Киркорова, при скошенных каблуках и орхидее в петлице, который поведет свадьбу сквозь рифы обременительных ритуалов.

Станный человек, странно заинтересованный в чужих реакциях, с виду воспринимающий чужие радости как свои собственные. Работа у него такая. Он начинает говорить в микрофон, его никто не слушает, он говорит еще громче, делает знаки джаз-банду, начинает забавлять толпу гостей. Все подыгрывают, но вяло.

Ждем, ждем, полчаса, час. Постепенно все сбиваются в кучки, фотографируются, общаются, такое ощущение, что все давно знакомы друг с другом, только один я такой неприкаянный. Изучаю схему рассадки за столами. Столы круглые, их 12, за каждым от восьми

до двенадцати человек, вот и считайте. Я сижу за последним, двенадцатым. Рядом с моей фамилией совершенно мне незнакомые. Остаточные явления. Такие же, как и я.

Наконец, появляется карета. Все, как и положено, выстраиваются в живой коридор от дороги до павильона, снова, как и в Пушкине, пригоршнями зачерпывая из коробок розовые лепестки.

Илья помогает Наташе спуститься, гости хлопают. Держать одновременно лепестки и фотоаппараты сложно, но все хлопают и фотографируют. Снимают и аплодируют.

Помощники не успевают с белым сердцем из шариков к воротам, и тогда (я вижу, как устроительница мгновенно переигрывает ситуацию) молодых с караваем тормозят. Пока Наташа откусывает каравай, а Илья посыпает ей голову солью, белое сердце подтягивают ближе. Тамада торжественно объявляет:

– А вот есть у нас еще такой обычай. Некоторые отпускают голубей...

И тут все кричат как дети:

– А мы уже отпускали голубей...

Тамада не удивляется, как вообще ничему и никогда, мгновенно впитывает информацию и тут же выстреливает ею в толпу – именами, реалиями...

Пару минут назад, в стороночке, в тенечке, он говорил с папой Ильи. Расспрашивал про состав семьи, выпрашивал семейные предания, а теперь ведет себя так, будто бы сам всю жизнь был с ними рядом...

– Ну, а мы отпускаем в небо это белое сердце, и пусть летит оно в новую семейную жизнь, – ловко, как канатоходец без подстраховки, импровизирует он.

Поразительная способность любую придумку мгновенно обзывать «традицией». Пока мы ехали в Павловск, распорядительница решила почитать пассажирам «мерседеса» лекцию о пригородах в стиле «посмотрите направо, посмотрите налево». Все сведения оказались извлеченными из путеводителей, но особенно запомнилось: «В последнее время в Петербурге принято проводить свадьбы в пригородах...» (как если бы каждая вторая пара резервировала Розовый павильон и Камеронову галерею)! Что ж, главное – уверенность и поставленный голос, которым будет бравировать и тамада, постоянно вспоминая о дождливой погоде в столице (специально из Москвы прилетел!).

Но вот сердце улетело в небо, цветочные лепестки просыпались, подарки вручены, каравай съеден, и все начинают просачиваться в банкетный зал с запахом кокетельской столовки.

Огромный зал с изысканной сервировкой, круглые столы с закусками и цветочными композициями, столы с напитками по бокам. У каждого стола свой официант. Нам достается малохолный юноша с едва намечающимися баками. Видимо, на должности он недавно, движется медленно, меланхолично, по ходу пьесы приобретая недостающее мастерство.

Когда я захожу в зал, наш стол еще пуст, за ним сидит только одна барышня. Она тоже никого не знает и настороженно знакомится. Только что прилетела из Набережных Челнов. На ней коричневое длинное платье (все прочие барышни ног не скрывают и правильно делают), позже она напьется и будет выкрикивать: «Я татарка... Я, как татарка...»

Что она хотела этим сказать? Пьяная, прицепилась к Илье, вышедшему в конце вечера на крыльцо выкурить сигару, требуя, чтобы он немедленно шел к жене. Илья не знал, как от нее избавиться, но терпел и не поддавался.

Впрочем, я забежал немного вперед.

Я пока не решился сесть рядом с посланницей Набережных Челнов, по одну ее руку уселся Дима, которого я видел несколько раз на московских тусовках Ильи (он обеспечил свадьбу эксклюзивным шампанским) и архитектор Женя.

Женя родом из Киева, занимается строительными подрядами. Лицо его показалось мне знакомым, и я начал с ним общаться. Хотя потом, когда Илья представил нас друг другу,

оказалось, что мы никогда с ним не виделись, он прилетел на торжество специально из Лондона. Эксклюзивно.

Потом, чуть позже, к нам присоединился еще один лондонский житель – длинноволосый прихиппованный Олег.

Вот, собственно, и все. Другие стулья за столом так и оказались пустыми. Наш стол был исключением: за другими столами с родственниками и людьми более ближнего круга (ближних кругов), свободных мест не было.

Все рассаживаются и вкушают первые закуски (рулеты с брусничным соусом, грибочки, паштет из куриных грудок). В начале трапезы официант торжественно и терпеливо каждому и персонально предлагает «отпробовать» то или иное блюдо, однако чуть позже ему надоедает цепляться к этим невнимательным и скучным людям (нас много, а он один), и после первой перемены блюд он подходит и накладывает севрюгу с прочими деликатесами (маринованным виноградом, красными раками и стебельками спаржи) с каменным лицом и молча. Тогда как тамада, напротив, все наращивает и наращивает децибелы, а на импровизированной сцене выстраивается хоровод молоденьких балерин.

Врубаются «Вальс цветов», и девочки встают на пуанты. Слава богу, я сижу к ним спиной, вкушаю вкусоности и мысленно шучу: «Телки, идите к Батхеду!»

Из меня начинает выходить жар, накопленный за долгий день. И я понимаю, что не в состоянии переносить громкую музыку. Каждый раз при объявлении очередного номера культурной программы я незаметно (ха, незаметно: хипповатый Олег, который 15 лет не был дома в Питере и жаловался, что давным-давно «потерял коннект с городом», спросил меня: «Чувствуешь себя не в своей тарелке?») выходил на крыльцо.

Потом выступали совсем уже невнятные дети, подали фаршированную рыбу, понеслись шутки-прибаутки с рисом и зерном, которые следовало рассортировать. Речи родителей и гостей, первый вальс молодоженов, который усталый Гуров безнадежно провалил (имеет право!), тосты тестя и свекра.

Отец Ильи начал выступать, еле остановили, Наташин отец прочитал стихотворение. Все они славословили новую семью, друг друга, а тамада подливал и подливал им водку, словно бы в ней заключался главный источник красноречия.

Вообще, тостов произносилось так много, что если пить (или хотя бы честно пригубливать каждую вторую рюмку), можно было упиться в стельку.

Но народ собрался не только тренированный, но и светский. У каждого – собственный график взаимоотношений с горячительным и представления о наилучшем самочувствии. Я весь вечер пил морс. Под конец у меня сильно разболелась голова; чтобы снять напряжение и боль в висках, я выпил подряд три рюмки «Русского бриллианта». Вроде отпустило, но ненадолго.

Потом выступали теща и свекровь. Тамада называл их «девочки» и требовал, чтобы они танцевали под ансамбль русской народной песни, вдруг запевший любимую песенку моей мамы, Нины Васильевны – «Ах, какая женщина, мне б такую...»

В этот момент от мамы пришла смс с вопросом «Mnogo vipel vodki?». Захотелось заплакаться, потому что представил на месте мам Наташи и Ильи свою маму. И вышел прогуляться.

Дошел до реки, перешел через мост. Гуляющих мало, все смотрят в сторону Розового павильона, откуда доносится громкая музыка. Белые ночи, вот почему не темнеет, хотя становится прохладнее и тише. Я углубляюсь в лес, встречаю неожиданно возникающие скульптуры Артемиды, затем Ниобы, похожей на Наоми Кэмпбелл.

В парке тихо, только велосипедисты, собачники и подростки. Одна живописная компания расположилась на скамейке (велосипеды сбоку сгрудились в кучу), все смотрят в сторону круглой беседки, романтически торчащей на фоне безмятежного леса.

Красота настигает внезапно, внизу, там, где обрыв и крутой спуск. Чахоточная свежесть и тени теней. И туман, нежный такой, шелковистый...

Со стороны розового павильона запускают петарды. Когда уходил в лес, возле реки разминалась группа огнеплотателей, когда я вернусь, они уже будут сворачиваться, а на смену им придет цыганский ансамбль.

Охранники косятся на неприкаянного гостя – интересно, что они обо мне думают... скажем, может быть, я похож на террориста?.. Но спросить об этом напрямую неловко...

Однако цыган не торопятся выпускать, ибо кто-то из гостей украл невесту. Пока Илья вызванивает Наталью по мобильнику (интересно, где она его держит в свадебном-то платье), тамада устраивает конкурс по сбору денег. Мимо меня проносится распорядительница. Кажется, у нее включилось второе дыхание.

– Их же невозможно собрать, горячее перегрелось, перестояло, а им наплевать, их Хиль в машине дожидается, а им все нипочем. – беспокоится она, точно это *ее* свадьба.

И непонятно – кого она имеет в виду?

Пока собирали выкуп, Наталья вернулась. Все разошлись по столам. Официант наклонился к самому уху.

– Вам филе лосося или седло барашка?

Я выбрал седло, Олег филе. Есть перестоявшее второе не хотелось. Но поел. Появился в костюме Ромео где-то бродивший Дима. В пижонских панталонах и красном берете. Он (миссис Набережные Челны, теперь сидевшая между нами, решила загадать желание на счастье) занимался бальными танцами, имеет чемпионский титул. Вместе с какой-то дамой он показал зажигательное танго, отрепетированное до самой последней мелочи и вытянутого носка, кто бы мог подумать?!

Чуть позже тамада объявит начало костюмированного бала, и все потянутся в примерочные переодеваться. С детства я мечтал о костюме гусара, хотя мама на каждый Новый год наряжала меня зайчиком. Здесь моя мечта едва не осуществилась, но пока смотрел по столам, костюмы гусаров, генералов и императоров (Петра, Александра, Наполеона) разбирали. Мечта осталась неосуществленной.

Мне досталось что-то условно историческое. Белая свободная рубашка с роскошными кружевными манжетами (будем думать, брюссельского кружева) и сюртуком. К ним прилагался пояс, расшитый серебряными нитками. Выдали также зеленый берет с блестками. Кальсоны я решил не надевать.

Когда все переоделись, это выглядело... Я даже не знаю, как описать это зрелище... Толпа людей, надевших одежды разных эпох, меняющих походки и манеры. Все сначала хихикали, потом прониклись.

И тогда начались танцы. Мазурка, потом танец со сменой партнерш, менуэт...

Собственно, тогда я со всеми и перезнакомился. Гости, наконец, обратили внимание на мое существование, или мне так показалось – внимательный взгляд или слово мимоходом (я же тоже слегка раскрепостился за двенадцатым столом), вот и влился в самую гущу костюмированной общественности.

Вынести это великолепие, распиравшее гостей изнутри, было трудно. Все высыпали на крыльцо, начали фотографироваться. Тамада и фотографы усердствовали, изобретая новые поводы посмеяться. К тому времени все основательно выпили и начали веселиться, впрочем, почему «начали»? Видимо, возле Наташи и Гурова собираются люди, умеющие жить со вкусом и с размахом...

Может быть, поэтому и я чувствую себя не в своей тарелке... и отправляю смс возлюбленной моей Арке в Москву: «Что я тут делаю?»...

Та немедленно отзывается: «Радуетесь счастьем однополчанина...».

Хм, радость мне вообще-то несвойственна, профессия обязывает, а времена у нас, сами знаете, какие, расслабиться некогда, мысли о мире напряженно пульсируют в висках, голова болит и не дает расслабиться. Так, как все эти люди.

А потом все снова собираются в зале, тамада просит выйти холостых парней, я отшучиваюсь, но тамада неожиданно выкликает мою фамилию (это ему Гуров нашептывает, стоя сзади), словно мы давно знакомы, и я становлюсь в группу самых-самых...

Гуров снимает с ноги Натальи подвязку. Тамада заставляет его залезть к ней под юбку, спрашивая, отчего это у Наташи такие счастливые глаза? Шуточки у тамады липкие и двусмысленные: «Ну, кто еще холостой? Ну, я вижу, что официанты у нас все до единого холостые...» Многозначительная пауза.

А потом Гуров через спину кидает этой подвязкой в холостяков. Ее ловит тот парень, который похищал Наташку. Хотя Гуров потом говорил, что целился в руки мне. Но мне что-то так не показалось. «Хитрый хохол» (как звал его в армии капитан Черных), вероятно, всем претендентам на подвязку говорил то же самое. Впрочем, я не в обиде, мне подвязка не нужна. Я вроде и так не совсем холостой уже. У меня есть Арка.

А потом объявляется похожий конкурс для потенциальных невест. Наташка расстается с букетом, выкрикивая: «Побеждает достойнейшая!».

В это время четвертый стол выступает дружным квартетом, говорит о любви и вечной дружбе, вручая молодоженам подарок – ключи от машины, стоимость которой превышает все расходы на свадьбу примерно в два с половиной раза.

Кажется, у четвертого стола больше всего телохранителей. Ближе к финалу все они разобьются по парам, возможно, для обсуждения сугубо профессиональных вопросов. Террористов в округе явно не наблюдается.

Потом запускают цыган, после которых выступает Эдуард Хиль: «Слышишь, Ленинград, я тебе спою...».

Честно говоря, я уже не помню, пел Хиль до свадебного торта, исполненного в виде все того же розового павильона, или после? Кажется, когда он пел, я уже ел торт. Или нет?

Не помню, возможно, я что-то пропустил, так как болела голова, я снова отправился искать дворец, но вышел к вокзалу, где когда-то давал концерты знаменитый Штраус. Купол, о котором писал Мандельштам, отсутствовал, но все остальное...

Как это объяснить?!

*Огромный парк. Вокзала шар стеклянный.
Железный мир опять заморожен.
На звучный мир в элизиум туманный
Торжественно уносится вагон:
Павлиний крик и рокот фортепьянный.
Я опоздал. Мне страшно. Это – сон.*

*И я вхожу в стеклянный лес вокзала,
Скрипичный строй в смятении и слезах.
Ночного хора дикое начало
И запах роз в гниющих парниках –
Где под стеклянным небом ночевала
Родная тень в кочующих толпах...*

У меня медленно поднималась температура, бросало то в жар, то в холод, кожа покрывалась гусиной сыпью и мелкой изморозью... а в Розовом павильоне гроыхала музыка, находиться там было невозможно...

Публика пустилась в окончательный распояс, и свадьбе этой было места мало, и места было мало и земли. И как у них у всех, после длинной процедуры венчания, мотания по Царскому Селу и бесконечной программы в Павловске, силы оставались?

Ребята казались свежими, несмотря на количество всего выпитого и съеденного, увиденного и услышанного.

А Хиль все пел и пел, словно в сомнамбулическом трансе. Как-то я видел репортаж с курехинской «Поп-механики». Там Хиль выступал со старым шлягером про ледяную избушку, выпутываясь из блестящего скафандра, сооруженного из куска серебряной фольги. Казалось, народный артист СССР так тогда и останется там, внутри непроницаемого клубка.

«Человек из дома вышел...», – пел он, обращаясь к невидимому собеседнику, выделял па одной ногой и переходил к другой песне. «Опять от меня сбежала последняя электричка», – снова объяснял он кому-то незримому, глаз стеклянный, фиксированный.

Потом музыка обрывалась, и он словно бы оттаивал. Снова на лице его появлялось осмысленное выражение.

– Понимаешь, – говорил мне Илья в кулуарах, будто бы немного стесняясь, – мы думали и про Шнура, и про «Чай вдвоем», но мы же хотели родителям угодить, им праздник устроить... А Хиль – он всем так на душу лег. Это же все для них... для них...

– То есть, ты хочешь сказать, что все это – сюрприз для них?

– Конечно.

– То есть все это вы сами-сами...

– Ну да, ребята немного помогли. Димка с шампанским, кто-то с гостиницей, ну и так далее...

Кстати, тамада, когда прощался, не забыл упомянуть о своем звании, мол, заслуженный артист. И точка. Без уточнений. Его уход («сделал дело – гуляй смело») не остановил веселья, напротив, только ускорил. Или это алкоголь?

Вот как развлекается одинокий и непьющий странник, попавший в чужой город? Скажем, в командировке? Бегает по делам, а когда они заканчиваются, встречается с друзьями.

Как-то я оказался в Питере на большом корпоративном мероприятии в «Астории». Конец мая, духота, пузырьки шампанского. Отстрелялись быстро, дальше по плану был Рембрандт. Вот внутренним глазом ты уже видишь «Даная», восстановленную после покушения... все эти старики и старухи с надменными и страдальческими глазами, словно бы вышедшие из темного угла на свет...

Не стоило увлекаться банкетными пузырьками (да на пустой желудок), но что делать, если никого не знаешь, а время растягивается, точно резинка для салочек?

Ходишь с задумчивым видом по презентации, потягиваешь из бокала, только это и спасает. Потом бросаешься к полужнакомым коллегам из питерского филиала, как к самым родным и любимым. Пустые разговоры, но выбраться уже невозможно: пластилиновый, ты влип.

И вот (необходимо продолжение банкета) вы уже гуляете нестройными рядами возле Исаакия, открыто курите в скверике и идете дальше. Ты снова «во чужом пиру»: у местных свои связи, отталкивания и притяжения. Кто-то задирает друг друга, кто-то бессмысленно спорит. Улыбаешься, точно понимая, о чем они говорят, перемещаясь из одной рюмочной в другую, улыбаешься, делаешь вид, что тебе интересно, потом с облегчением видишь на часах: пора собираться в дорогу, мчаться на Московский вокзал – в самую последнюю минуту, запыхавшись, едва не опоздав, вваливаешься в купе: вот сколько дел, оказывается...

А Рембрандт-то снова мимо, мимо.

В другой раз мы приехали сюда с Аркой, в самый что ни на есть романтический, конфетно-букетный период. Сорвались на выходные. Остановились на выселках, у старого бородатого финна, давно осевшего в России. Финн правильно и хорошо говорил по-русски. До тех пор пока дело не доходило до мата, который он употреблял не к месту. И тогда становилось очевидным, что русского он, шпион, не понимает, берет от слов одну оболочку, делая вид, будто бы так и надо.

Всю ночь в «Красной стреле» я пел Арке про Рембрандта и его портреты, на которых схвачена суть человека. Удивительно, но посмотришь на такое лицо – и сразу все про него понятно. Знание это сложно выразить в словах, но, точно пепел в носоглотке, остается ощущение, что если бы довелось встретиться с человеком на портрете, вы могли бы понять друг друга. По крайней мере, ты его...

Стоял февраль, с Финского залива дули злые ветры. Мы забрались на смотровую площадку Исаакиевского собора. Невидимые динамики транслировали в непрерывном режиме первый концерт Чайковского, первую его часть. Рябые ангелы всматривались в город пустыми глазницами.

Мы так продрогли на этом верху, пока фотографировались, пока разглядывали дворцы и заводские трубы, что спустившись, немедленно «вдарили» по горячему глинтвейну, а потом вдарили еще и еще.

Ночь растянулась, вместив массу событий – поход в клуб, танцы, водку с лимоном, возвращение под утро обратно на выселки.

Я уснул, а старый финн и моя подруга разговаривали на кухне, потом, когда я проснулся, готовили завтрак... Пока я приходил в себя, собирался, настраиваясь на встречу с прекрасным, у Арки вдруг начались месячные. Она держалась за низ живота, прекрасное лицо ее побледнело.

У нас всегда так: только соберемся на охоту...

Эрмитаж отменился. Вместо этого мы стали смотреть фильм, купленный накануне в метро. На мониторе того самого лэптопа, который я использую и сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.